

Для Шишкова вопрос о праве дворян владеть крепостными лежал исключительно в идеологической плоскости, в его решении адмирал не руководствовался никакими практическими соображениями, так как не пользовался доходами со своих имений.³¹

Общение Пушкина с Николаем Тургеневым падает на конец 10-х гг., когда идейная позиция поэта была иной, чем в тридцатые годы, во время работы над циклом статей «Путешествие из Москвы в Петербург» и очерком «Александр Радищев». Однако и в тридцатые годы Пушкин встречался с человеком, который имел непосредственное отношение к общественной борьбе начала александровского царствования. Мы имеем в виду М. М. Сперанского. Дневниковая запись Пушкина от 25 марта 1834 г. свидетельствует о том, что темой их бесед была деятельность комиссии по составлению законов, членом которой являлся Радищев.

1834 год — время работы Пушкина над «Путешествием из Москвы в Петербург», где полемика с Радищевым занимает заметное место. Однако если Сперанский и давал Пушкину какие-либо исторические сведения, то вряд ли он определял пушкинские оценки, так как являлся одним из активнейших проводников правительственной политики по крестьянскому вопросу как в начале века, так и в тридцатые годы. Сперанский несомненно сочувствовал Радищеву и был одним из тех, кто способствовал включению его в Комиссию по составлению законов.

Среди тех же, кто определял пушкинское отношение к Радищеву в тридцатые годы, едва ли не главное место занимал Н. М. Карамзин, чьи слова: «Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être rendu» * стали эпиграфом к статье «Александр Радищев».

Идейное противостояние Карамзина и Радищева подробно освещено в ряде исследовательских работ.³²

Карамзин — активный участник общественной борьбы начала александровского царствования, один из идейных вождей дворянской оппозиции. С начала 1802 г., т. е. с того времени, когда в Государственном совете началось обсуждение законопроекта Ворон-

* Не следует, чтобы честный человек заслуживал повешения (*фр.*).

³¹ «В один день, поутру, докладывают Александру Семеновичу, что к нему пришли его крестьяне и желают с ним переговорить <...> Это были выборные со всего села; поклонясь в ноги, несмотря на запрещение барина, один из них сказал, что «на мирской сходке положили и приказали им ехать к Барину в Питер сказать: что не берешь-де ты с нас, вот уже десять лет, никакого оброка и живешь одним царским жалованьем, что теперь в Питере дороговизна и жить тебе с семейством трудно; а потому не угодно ли тебе положить на нас за прежние льготные годы хоть по тысяче рублей, а впредь будем мы платить оброк, какой ты сам положишь; что мы по твоей милости, слава богу, живем не бедно, а от оброка не разорвемся». Услышав такие речи, дядя (Шишков. — *И. Н.*) пришел в неописанное восхищение, или, лучше сказать, умиление, не столько от честного поступка своих крестьян, как от того, что речи их, которые он немедленно записал, были очень похожи на язык старинных грамот» (*Аксаков С. Т.* Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове // *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 294—295).

³² См.: *Лотман Ю. М.* Источники сведений Пушкина о Радищеве. С. 50—66.